

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ АНАЛИТИКА УЧАСТНОГО СОЗНАНИЯ М.М. БАХТИНА: «НЕ-АЛИБИ В БЫТИИ» И «ДИАЛОГ»

На базе работы М.М. Бахтина «К философии поступка», через призму долженствования как центральной категории бахтинской философии, реконструируется феноменологическая аналитика участного сознания. Раскрыты два аспекта участного сознания: не-алиби в бытии и диалог.

Ключевые слова: долженствование; участное сознание; поступок; не-алиби в бытии; диалог.

В данной статье мы продолжим и завершим линию, начатую в предыдущей нашей статье «Долженствование как установка участного сознания М.М. Бахтина: феноменологическая аналитика» [1], посвящённой реконструкции феноменологической аналитики участного сознания М.М. Бахтина и опубликованной в № 324 (2009) Вестника Томского государственного университета. В упомянутой статье мы раскрыли четыре аспекта участного сознания: ответственное сознание; говорящее, высказывающееся, языковое сознание; переживающее (переживающее) сознание; эмоционально-волевое, или интонирующее сознание. И, соответственно, четыре аспекта долженствования как установки участного сознания: ответственность; высказывание (как говорение); переживание (как пере-живание); эмоционально-волевое интонирование. Здесь же представим вашему вниманию аналитику оставшихся двух аспектов (пятого и шестого).

В-пятых, участное сознание – это сознание осознающее, признающее и утверждающее факт своего не-алиби в бытии. Особое внимание в ходе своей аналитики участного сознания М.М. Бахтин уделяет следующему факту: «В основе единства ответственного сознания лежит не принцип как начало, а факт действительного признания своей причастности к единому бытию-событию (курсив наш. – А.К.), факт, не могущий быть адекватно выражен в теоретических терминах, а лишь описан и участно пережит; здесь исток поступка и всех категорий конкретного единственного нудительного долженствования» [2. С. 41]. Если развивать этот тезис Бахтина далее, то, несомненно, можно констатировать, что речь здесь идёт о факте признания-обязательства участным сознанием (*мною*) единственности и уникальной неповторимости его участия в бытии, именно и только факт этого признания-обязательства (как уже упоминавшаяся нами в предыдущей нашей статье «*моя подпись*») является действительной и действенной основой (фундаментом, базисом) жизни человеческого существа вообще и всех его поступков, совершаемых им в этом мире (в бытии в его целом), в частности. Значимость и важность данного факта и всего раскрывающего его тезиса для понимания специфики участного сознания в целом и его роли в онтологическом проекте бахтинской философии представляется совершенно очевидной, поэтому развёрнём, конкретизируем и представим суть этого тезиса, опираясь на размышления самого Бахтина.

Итак, по сути данный тезис М.М. Бахтина имплицитно содержит в себе семь следующих ключевых моментов:

1) «...я причастен бытию единственным и неповторимым образом, я занимаю в единственном бытии единственное, неповторимое, незаменимое и непроницаемое для другого место» [2. С. 41];

2) «В данной единственной точке, в которой я теперь нахожусь, никто другой в единственном времени и единственном пространстве единственного бытия не находился» [2. С. 41];

3) «...вокруг этой единственной точки располагаясь всё единственное бытие единственным и неповторимым образом» [2. С. 41];

4) «То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может» [2. С. 41];

5) «Единственность наличного бытия принудительно обязательна» [2. С. 41];

6) «Простое познание его (т.е. этого факта. – А.К.) есть низведение его на низшую эмоционально-волевою степень возможности. Познавая его, я его обобщаю: всякий находится на единственном и неповторимом месте, всякое бытие единственно» [2. С. 41];

7) «Этот факт... лежащий в основе самого конкретного и единственного долженствования поступка, не узнаётся и не познаётся мною, а единственным образом признаётся и утверждается» [2. С. 41].

Поразительным и заслуживающим самого искреннего уважения для любого исследователя творческого наследия М.М. Бахтина, в том числе и для автора статьи, является то, что, без преувеличения сказать, философский гений Бахтина позволил ему органически соединить все эти семь моментов всего лишь в одном авторском глубочайшем понятии-образе, понятии-метафоре, понятии-символе: *не-алиби в бытии*. Участное сознание человека осознаёт и со всей ответственностью признаёт факт своего не-алиби в бытии как своего рода результирующую всех семи приведённых выше моментов. Именно и только само это признание делает сознание человека *участным*, а самого человека, точнее сказать его бытие, *человечным*¹ или *подлинным*.

Признание сознанием (человеком, *мною*) своего не-алиби в бытии – это не просто самоутверждение в психологическом смысле и даже не просто утверждение факта действительности какого-либо события в бытии, но онтологическое укоренение (т.е. участность) уникальной и неповторимой единственности *самого себя* (бытия своего я) в бытии в его целом. Вот как выражает эту мысль сам Бахтин: «...я участен в бытии как единственный его деятель; ничто в бытии, кроме меня, не есть для меня я. Как я – во всём эмоционально-волевым единстве смысла этого слова – я только себя единственного переживаю во всём бытии; всякие другие я (теоретические) не есть я для меня; а то единственное моё (не-теоретическое) я причастно к единственному бытию: я *есмь* в нём» [2. С. 42]. А известный современный исследователь русской философии академик Борис Владимирович Емельянов выражает эту мысль даже ещё более точно: «...человеческое “я” прихо-

дит в бытие через поступок, и всё происходящее в мире есть результат человеческих деяний в каждом конкретном случае «участно ответственных» [3. С. 595].

В этом онтологическом укоренении единственности (т.е. участности) сознания в бытии удивительным образом снимаются и продуктивным образом преодолеваются антагонистические противоречия многих бытийных полюсов, тем самым бытию возвращается его изначальная целостность². Рассмотрим эти полюса или парные категории подробнее, имея при этом в виду, что сам Бахтин не даёт нам подобной архитектоники однозначно и явно, лишь *предполагая* её. Экспликация этих категорий (как и установление их взаимозависимости) из общего смыслового целого текста Бахтина и выяснение их места и роли в феноменологической аналитике участного сознания – находка автора данной статьи.

Пассивность и активность: сознание независимо от самого себя оказалось в бытии, но в то же самое время сознание активнейшим образом событиями своими (своими поступками) ему причастно, активнейшим образом самого себя как единственное именно такое в бытии утверждает. М.М. Бахтин иллюстрирует и дополняет эту мысль таким образом: «Моя единственность как нудительное несовпадение ни с чем, что не есмь я, всегда делает возможным и единственное и незаменимое действие моё по отношению ко всему, что не есмь я» [2. С. 42].

Данное и заданное: единственность (отдельность, отчуждённость) сознания изначально дана сознанию (по факту рождения в этом мире), но в то же самое время есть лишь постольку, поскольку в уникальных событиях, в индивидуально-исторических поступках осуществлена сознанием, т.е. постоянно и непрерывно задаётся им.

Бытие и должествование: сознание есть действительное, но в то же самое время оно может быть действительным только в качестве единственного и незаменимого сознания, т.е. оно должно всегда утверждать и подтверждать своими поступками свою единственность и незаменимость, действительность своего бытия. М.М. Бахтин выражает эту мысль следующим образом: «По отношению ко всему действительному единству возникает моё единственное должествование с моего единственного места в бытии. Я-единственный ни в один момент не могу быть безучастен в действительной и безысходно-нудительно-единственной жизни, я должен иметь должествование; по отношению ко всему, каково бы оно ни было и в каких бы условиях ни было дано, я должен поступать со своего единственного места...» [2. С. 42]. Иначе говоря, должествование возможно (и, скажем так, впервые возникает) только там, где имеет место факт активного признания и утверждения сознанием в своих поступках единственности своего бытия (не-алиби в бытии), где именно сам этот факт становится, говоря словами Бахтина, ответственным центром бытия сознания, а через него и бытия вообще (от единственности бытия сознания к единству бытия вообще), где сознание принимает абсолютную ответственность за свою единственность, а значит, имея в виду вышесказанное, и за бытие вообще. Бахтин пишет: «Ответственный поступок и есть поступок на основе признания должествующей единственности. Это утверждение не-алиби в бытии и есть

основа действительной нудительной данности-заданности жизни. ...Это живой факт изначального поступка, впервые создающий ответственный поступок, его действительную тяжесть, нудительность, основа жизни как поступка, ибо действительно быть в жизни – значит поступать, быть не индифферентным к единственному целому» [2. С. 43].

Конечно, сознание может попытаться игнорировать данный факт, пассивно игнорировать свою активность и ответственность, отказаться от своей должествующей в бытии, от своей участности, может даже попытаться доказать своё алиби в бытии, обратившись за помощью в этом к средствам самозаконного теоретического мира или, используя меткий образ Бахтина, попытаться стать *самозванцем* в своём же бытии. Может попытаться и часто пытается. Но дело в том, что все эти попытки заведомо обречены на неудачу. Поскольку сознание, скажем так, по природе своей не может отказаться от своей участности в бытии, не может ничего поделаться со своей единственностью, кроме как в той или иной форме или степени, но всегда и неминуемо *участно* утвердить её в своём бытии. Поскольку можно убежать от кого угодно, кроме самого себя.

Возможное и действительное: всё общее и значимое содержательно-смысловое наполнение сознания (содержательная данность бытия, в себе значимость какой-либо ценности, такие понятия как добро, красота, истина, собственно даже все мысли, чувства, переживания, движения и жесты) есть лишь только некоторые возможные во всём бесконечном многообразии целого бытия возможности сознания, но, в то же самое время, это лишь возможное и возможно только потому, что непосредственно и абсолютно должествующе активно утверждается сознанием в действительности своей единственности в бытии, т.е. в своей участности в бытии, в действительных поступках сознания, в его не-алиби в бытии. Прочитаем самого М.М. Бахтина: «Только не-алиби в бытии превращает пустую возможность в ответственный действительный поступок (через эмоционально-волевое отнесение к себе как активному)» [2. С. 43]. По сути мы сталкиваемся здесь с отвлечённо-теоретическим самозаконным миром, или миром построений теоретического сознания, или миром смыслов, который создаётся принципиальным отвлечением от ответственно-индивидуального исторического акта, и в который человек не может включить самого себя в своей действительности, и всю свою действительно-историческую жизнь как момент её. На данном этапе реализации своего проекта первой философии (в наших статьях мы назвали этот этап «феноменологической аналитикой участного сознания») Бахтин даёт более глубокое понимание мира теоретического сознания (теоретического мира, мира смыслов), рассматривая его через призму участного сознания: «Мир смыслового содержания бесконечен и себе довлеет, его в себе значимость делает меня ненужным, мой поступок для него случаен. Это область бесконечных вопросов, где возможен и вопрос о том, кто мой ближний. Здесь нельзя начать, всякое начало будет случайно, оно потонет в мире смысла. Он не имеет центра, он не даёт принципа для выбора: всё, что есть, могло бы и не быть, могло бы быть иным, если оно просто мыслимо

как содержательно-смысловая определённости. С точки зрения смысла возможны лишь бесконечность оценки и абсолютная неуспокоенность. С точки зрения отвлечённого содержания возможной ценности всякий предмет, как бы он ни был хорош, должен быть лучше, всякое воплощение с точки зрения смысла – дурное и случайное ограничение» [2. С. 43].

Иначе говоря, мир смыслового содержания (теоретический мир) сознания – это и есть мир холодной, безучастной, слепой и случайной возможности, и чтобы это возможное содержание смысла стало той или иной живой, говоря словами Бахтина, нудительной действительностью (своего рода воплотилось), необходима должествующая инициатива сознания по отношению к смыслу. Этой инициативой является признание сознанием своей единственности в бытии (своего не-алиби) и активное утверждение (участность) своей единственности со своего единственного места в действительных поступках. Такими действительными поступками должно стать для участного сознания абсолютно всё в нём: каждая мысль, каждое переживание, чувство, жест, движение. Только в этом случае можно в полном смысле слова говорить о *долженствующей действительности* жизни наполненного смыслами сознания, а значит, и человека, о его единстве с живыми онтологическими корнями действительности своего бытия: «Я – в мире безысходной действительности, а не случайной возможности» [2. С. 44]. Только в этом случае можно в полном смысле слова говорить и об *ответственности* жизни сознания, а значит, и об ответственной жизни человека: «Всякая мысль, не отнесённая со мною как долженствующе единственным, есть только пассивная возможность, она могла бы и не быть, могла бы быть другой, нет нудительности, незаменимости её бытия в моём сознании; ...только отнесение в единый и единственный контекст бытия-события через действительное признание моей действительной участности в нём создаёт из неё мой ответственный поступок» [2. С. 44]. Невозможна никакая долженствующая ответственность за случайную возможность смыслового содержания сознания, ответственность может быть только за его единственное участное утверждение или неутверждение в действительности бытия, т.е. в действительных поступках участного сознания, совершённых на основе признания своего не-алиби в бытии. М.М. Бахтин выражает эту мысль очень красивыми и пронзительными образами: «Отвлечённо-смысловая сторона, не соотнесённая с безысходно-действительной единственностью, проективна; это какой-то черновик возможного свершения, документ без подписи, никого и ни к чему не обязывающий. Бытие, отрешённое от единственного эмоционально-волевого центра ответственности, – черновой набросок, непризнанный возможный вариант единственного бытия; только через ответственную причастность единственного поступка можно выйти из бесконечных черновых вариантов, переписать свою жизнь набело раз и навсегда» [2. С. 44]. Таким образом, всё общее и значимое содержательно-смысловое наполнение сознания обретает свою действительность, а следовательно, долженствование и ответственность только в соотнесении с уникальной единственностью сознания в бытии, т.е. в его участности в бытии, в действительных поступках участ-

ного сознания, совершаемых на основе признания и активного утверждения его не-алиби в бытии.

Многое и единое: бытие расколото на бесконечное множество единственных и неповторимых событийных миров (миров событий бытия), которые создаются, соответственно бесконечным множеством участных сознаний (единственных уникальных участных субъектов), но в то же самое время именно множество единственных участных субъектов, каждый со своего единственного места, долженствующе ответственно играя каждый свою неповторимую роль в одной невообразимо сложной и прекрасной пьесе, превращают мёртвое (только лишь возможное, теоретизированное) и разделённое на бесконечное количество осколков бытие в одно единое и живое, уникальное и неповторимое *со-бытие* (со-бытие). Бахтин пишет: «Множество неповторимо ценных личных миров разрушило бы бытие как содержательно определённое, готовое и застывшее, но оно именно впервые создает единое событие» [2. С. 45]. Сама правда этого мира, которая «не есть тождественно себе равная содержательная истина, а правая единственная позиция каждого участника, правда его конкретного действительного долженствования» [2. С. 46], требует от сознания участия в бытии – *событий*, требует, чтобы субъект со своего единственного места сполна реализовал свою единственную действительную причастность бытию – *со-бытийности*!

Общее и индивидуальное: в бытии существуют утверждённые общезначимые контексты ценностей, обобщающие понятия как результат общего теоретического познания и тому подобное, но в то же самое время они возможны и существуют лишь постольку, поскольку существует участное сознание индивидуальное и неповторимое, со своего единственного места эмоционально-волевым образом участвующее в событиях бытия, долженствующе утверждающее любое общее как действительно индивидуально ценное для себя. М.М. Бахтин рассуждает следующим образом: «Что значит утверждённый контекст ценностей: совокупность ценностей, ценных не для того или иного индивидуума и в ту или иную эпоху, а для всего исторического человечества. ...Что значит утверждение, что историческое человечество признаёт в своей истории или своей культуре то или иное ценностью, – пустая содержательная возможность, не более. Что мне до того, что в бытии есть *a*, которому ценно *b*; другое дело, когда я единственно причастен единственному бытию эмоционально-волевым, утверждённым образом. Поскольку я утверждаю своё единственное место в едином бытии исторического человечества, поскольку я не-алиби его, стою к нему в активном эмоционально-волевым отношении, я становлюсь в эмоционально-волевым отношении к признаваемым им ценностям» [2. С. 46]. Иными словами, чтобы любое общее, каким бы они ни было, стало для сознания индивидуально ценностью значимым, сознание, прежде всего, должно стать участным, должно вступить в действительное (индивидуальное) эмоционально-волевым отношение к общему (в примере Бахтина – историческому человечеству), должно утвердить его как действительно ценное для себя. Только так некоторое абстрактно ценное само для себя общее, общезначимое, обобщённое, утвер-

ждѐнное станет ценностно долженствующе общим, общезначимым, обобщѐнным и утверждѐнным для *меня* как реального конкретно-исторического субъекта, скажем так, носителя участного сознания.

«Нет человека вообще, есть я, есть определѐнный конкретный другой: мой близкий, мой современник (социальное человечество), прошлое и будущее действительных людей (действительного исторического человечества)», – пишет Бахтин [2. С. 47]. То общее знание, к примеру, что всякий человек смертен, обретает общезначимый ценностный смысл для сознания (*меня*) только с его (*моего*) единственного уникального места в бытии, только в факте его (*моего*) не-алиби в бытии, поскольку лично оно (*я*) – смертно, поскольку близкие лично ему (*мне*) – смертны, поскольку всё историческое человечество, состоящее, собственно, из *меня* и *мне* близких, умирает. Как общее теоретическое знание смерть существует только для безучастного, говоря словами Бахтина, развоплощённого (не-действительного, вне-индивидуального) сознания, только для такого сознания все смерти – равны, на одно лицо. Для участного же сознания – «...ценностный эмоционально-волевой смысл моей смерти, смерти другого, близкого, факт смерти всякого действительного человека глубоко различны в каждом случае, ибо всё это разные моменты единственного события-бытия» [2. С. 47]. Смерти могут быть равны в отвлечѐнно-теоретическом самозаконном мире безучастного сознания (для такого сознания в этом мире смерть – это просто абстрактное общее знание о смерти), но ни один действительный, индивидуально-исторический, единственный субъект не живѐт (со-бытийствует) в таком мире, реально никто не живѐт в мире, «...где все люди ценностно равно смертны» [2. С. 47]. Общность общего, значимость значимого, признанность признанного, ценность ценного для *меня* обусловлена и задаѐтся не его содержанием, а моим в нём действительным и непосредственным участием, *моей* к нему единственной причастностью со *своего* единственного места, *моим* утверждением и *моим* долженствующе ответственным признанием его именно как такового на основе *моего* не-алиби в его бытии: «...с этого единственного места могут быть признаны все ценности и всякий другой человек со всеми своими ценностями, но он должен быть *признан*; простое теоретическое установление факта, что кто-то признает какие-то ценности, ни к чему не обязывает и не выводит из пределов бытия-данности, пустой возможности, пока я не утвердил своей единственной причастности этому бытию» [2. С. 47].

Средства самозаконного отвлечѐнно-теоретического мира (теоретическое познание) дают сознанию абстрактное отвлечѐнно-теоретическое же, общее знание о бытии. Но это общее знание и теоретическое познание не являются, говоря словами Бахтин, последним знанием о бытии и его последним познанием. Общее знание бытия являет собой результат отвлечения сознания от своего единственного места в нём, результат его развоплощения, его алиби в бытии и всё полученное таким образом знание – это есть лишь «возможная себе равная данность бытия» [2. С. 48]. Чтобы стать индивидуально значимым и ценностным для конкретно-исторического субъекта, быть утверждѐнным и вопло-

щённым в событиях его единственного бытия, общее знание должно быть, как пишет М.М. Бахтин, «инкарнировано мной» [2. С. 48], «переведено на язык участного мышления» [2. С. 48], «должно подпасть вопросу, к чему меня – единственного, с моего единственного места – обязывает данное знание» [2. С. 48]. То есть должно быть эмоционально-волевым образом соотнесено с ответственно долженствующей единственностью и событийной участностью сознания на основе его не-алиби в бытии. Это значит, что общее знание должно стать, говоря словами Бахтина, ответственно долженствующим сознание единственным и уникальным в своём роде *узнанием*: «Весь бесконечный контекст возможного человеческого теоретического познания – науки – должен стать *ответственно узнанным* для моей причастной единственности, и это нисколько не понижает и не искажает его автономной истины, но восполняет её до действительно-значимой правды» [2. С. 48].

Большое и малое: бесконечно большой мир самодовлеющей культуры в её целом противостоит бесконечно маленькому по сравнению с ним человеку (единичному субъекту, проживающему свою личную жизнь как «прозу жизни»), но в то же самое время в участном сознании и для участного сознания оба этих мира суть одно единое живое и уникальное событие бытия (*со-бытие*). Ведь «большое» и «малое», будучи рассмотрены через призму ответственной участности (не-алиби в бытии) сознания, – это не теоретические количественные категории (математики, например), а категории, прежде всего, *ценностные*. Нет «большого» или «малого» как самого по себе довлеющего, большое или малое есть только для кого-либо конкретного, индивидуального субъекта, со своего единственного и неповторимого места в бытии долженствующе решающего, что именно лично для него будет большим, а что малым и ответственно закрепляющим это решение как свою ценность, которая только лишь с этого момента становится действительно признанной: «Пафос моей маленькой жизни и бесконечного мира – пафос моего участного не-алиби в бытии, это есть ответственное расширение контекста действительно признанных ценностей с моего единственного места» [2. С. 49]. Только позиция самозванца в бытии, субъекта всеми способами пытающегося доказать своё алиби, покинуть своё единственное место в бытии³, т.е. не-участность сознания, делает возможным раскол в этом самом сознании одного единого целого со-бытия на две неравных половинки: бесконечно большой, теоретизированный (возможный) мир самодовлеющей культуры и маленький случайный и единичный мирок признанных субъектом ценностей. Именно позиция самозванца в бытии приводит сознание к ценностному обесмысливанию познания совокупного целого мироздания, к утрате ценностной ориентации в бытии и самой своей действительной бытийной основы – долженствования. М.М. Бахтин выражает это так: «...вместо того, чтобы приобщать всё теоретическое возможное познание мира действительной из себя жизни как ответственное узвание, мы пытаемся свою действительную жизнь приобщать возможному теоретическому контексту или признавая в ней существенными лишь общие её моменты, или осмысляя её как маленький клочок пространства и времени большого пространственного и временного целого, или давая ей символическое истолкование.

...Любящая плоть объявляется значимой лишь как момент бесконечной материи, нам безразличной, или экземпляр homo sapiens, представитель своей этики, воплощение отвлечённого начала вечной женственности; всегда действительно значимое оказывается моментом возможного, моя жизнь — как жизнь человека вообще, а эта последняя — как одно из проявлений жизни мира» [2. С. 49].

Подводя общие итоги рассмотрению участного сознания как сознания осознающего, признающего и утверждающего факт своего не-алиби в бытии, можно сказать следующее:

— Долженствующий и действительный поступок (как фундамент онтологического проекта первой философии М.М. Бахтина) возможен только на основе признания и утверждения факта не-алиби (участности) сознания в бытии: «На первом плане для укоренения поступка должна находиться персональная причастность единственного бытия и единственного предмета... Нудительно-конкретно-реальная значимость действия в данном единственном контексте (каким бы он ни был), момент действительности в нём и есть его ориентация в действительном единственном бытии в его целом» [2. С. 51].

— Единое целое бытия (*со-бытие*) складывается, как из действительных долженствующих слагаемых, из индивидуально исторических, неповторимых, уникальных и единственных миров бесконечного множества участных сознаний, утверждающих и подтверждающих на основе не-алиби в бытии свою участность в своих действительных поступках.

— Говоря словами самого Бахтина, всё, взятое «безотносительно к единственному ценностному центру исходящей ответственности поступка, дереализуется, теряет ценностный вес, эмоционально-волевою нудительностью» [2. С. 55] (т.е. долженствование самого себя), становится пустой абстрактно-общей и абсолютно ни к чему никого не обязывающей возможностью.

— Более того, именно отказ от признания и утверждения факта своего не-алиби в бытии порождает и в жизни, и в культуре то, что мы называем авторитаризмом (авторитарное или *монологическое* слово возможно только в одной ситуации — в ситуации отказа человека от собственного слова) и ложью (слово без авторской интенции, не есть результат сознательной позиции человека и чуждо факту не-алиби в бытии, возникает *патетическое* слово, лишённое реакции другого, т.е. одnogолосое слово).

В-шестых, участное сознание — это диалогическое, диалоговое сознание. Людмила Арчилович Гогтишвили писала в работе «Философия языка М.М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма»: «Конечно, коммуникативная установка не является какой-либо новостью в науке, уже давно вобравшей в себя традиции аристотелевской риторики, однако пафос Бахтина как раз в том и состоит, чтобы — в отличие от других новых направлений в философии языка — не просто восстановить дискредитированную в XIX в. риторику, но — одновременно — преодолеть условности традиционного риторического мышления, рассматривая коммуникативную установку (т.е. установку на диалог. — А.К.) не столько как внешнее красноречие, как технику речи, — что, безусловно, имеет под собой основания —

сколько как внутренний конститутивный признак самого языкового мышления, как *фундаментальную составляющую сознания вообще* (курсив наш. — А.К.)» [4. С. 147]. Оправдан ли этот тезис? Рассмотрим его подробнее. В ходе нашего исследования участного сознания М.М. Бахтин неоднократно обращает внимание на то, что жить в этом мире из *самого* себя, со *своего* единственного и уникального места в жизни (т.е. признавать и утверждать в поступках своё не-алиби в бытии), отнюдь не значит жить только собою и только для себя. Наоборот, это значит «быть из себя ответственно участным, утверждать своё нудительное действительное не-алиби в бытии» [2. С. 48]. Это значит долженствующе участвовать в жизни единого целого бытия (*со-бытия*) которое складывается как из действительных слагаемых, из индивидуально исторических, неповторимых, уникальных и единственных миров бесконечного множества участных сознаний. И, наконец, это означает фундаментальную онтологическую необходимость для каждого и любого единственного и уникального участного сознания со своего единственного и неповторимого места в бытии вести непрекращающийся вечный *диалог* с бесконечным множеством других *участных* сознаний, вместе со *мною* составляющих единое и единственное целое бытия (*со-бытие*⁴). Фактически же Бахтин явно намекает нам на то, что именно этот *диалог участных сознаний* (имея здесь в виду всё, сказанное об участном сознании выше) и есть то, что мы в философии называем *бытие*. Широко известна его формула: *быть — значит общаться диалогически*. Раскрывая её, Бахтин пишет в работе, озаглавленной «К переработке книги о Достоевском»: «Жизнь по своей природе *диалогична*. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь — всю жизнью: глазами, губами, руками, душой, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» [5. С. 318]. Мы считаем, что во многом именно такое фундаментально онтологическое понимание диалога, обнаруженное нами в одной из самых ранних работ М.М. Бахтина «К философии поступка», определило в дальнейшем в других работах мыслителя его интерес к диалогической проблематике (так называемому диалогизму). В связи с этим рассмотрим участное сознание как сознание диалогическое, диалоговое более подробно.

Бахтин даёт нам архитеконику [2. С. 51–52] индивидуального исторического, неповторимого, уникального и единственного мира участного сознания. В качестве основных конкретных моментов («архитектонических точек», «эмоционально-волевых центральных моментов») этого мира он указывает следующее: *я-для-себя* (или просто *я*), *другой-для-меня* (или просто *другой*) и *я-для-другого*⁵. Как пишет Бахтин, «...все ценности действительной жизни и культуры расположены вокруг этих основных архитектурных точек действительного мира поступка: научные ценности, эстетические, политические (включая и этические и социальные) и, наконец, религиозные. Все пространственно-временные и содержательно-смысловые ценности и отношения стягиваются к этим эмоционально-волевым центральным моментам...» [2. С. 52].

Я-для-себя (или просто *я*). Этот мир как индивидуально исторический, неповторимый и единственный открывается (задаётся) только участному сознанию только с его единственного признанного и утверждённого им места в бытии. Он упорядоченно долженствующе располагается вокруг участного сознания как своего единственного и конкретного эмоционально-волевого, а не отвлечённо-геометрического центра: «В соотношении с моим единственным местом активного исхождения в мире все мыслимые пространственные и временные отношения приобретают ценностный центр, слагаются вокруг него в некоторое устойчивое конкретное архитектурное целое – возможное единство становится действительной единственностью. ...Здесь стягиваются в конкретно-единственное единство различные с отвлечённой точки зрения планы: и пространственно-временная определённость, и эмоционально-волевые тона и смыслы. ...Эта действительная моя причастность с конкретно-единственной точки бытия создаёт реальную тяжесть времени и наглядно осязательную ценность пространства, делает тяжёлыми, неслучайными, значимыми все границы – мир как действительно и ответственно переживаемое единое и единственное целое» [2. С. 54]. Если сознание отвлечётся от своей участности и эмоционально-волевой утверждённой причастности бытию со своего единственного места, от факта своего не-алиби в бытии, выберет путь *самозванца*, то и «...неизбежно разложится конкретная единственность и нудительная действительность мира, он распадётся на абстрактно-общие, только возможные моменты и отношения, могущие быть сведёнными к такому же только возможному, абстрактно-общему единству» [2. С. 54, 55]. *Я-для-себя* (*я*) – это, таким образом, живой, абсолютно долженствующий и уникально единственный центр *со-бытия* участного сознания, своего рода «точка сборки» возможного бытия как действительного долженствующего *со-бытия*, эмоционально-волевой «задающий генератор» действительных ответственных поступков (участности) сознания. Именно этот глубинный центр (*я-для-себя*) является для сознания первичным источником (и задаёт саму возможность) всякого долженствования, которое заключается в абсолютной необходимости реализовать свою единственность, как незаменимую в бытии, относительно всякого момента и состояния этого бытия. Что означает, в свою очередь, абсолютно долженствующую необходимость обратить каждое (любое) проявление участности сознания (настроение, чувство, мысль, желание, действие и тому подобное) в действительный, активно ответственный поступок.

Другой-для-меня (или просто *другой*). М.М. Бахтин отмечает, что далее в архитектонике индивидуального исторического, неповторимого и единственного мира участного сознания «...мы прежде всего усматриваем принципиальную архитектурную разноточность моей единственной единственности и единственности всякого другого <...> человека, конкретного переживания себя и переживания другого» [2. С. 66]. Эта принципиальная разноточность заключается в том, что действительная, эмоционально-волевая, со своего единственного места в бытии утверждаемая участным сознанием ценность для него другого (человека) и са-

мого себя коренным образом отличаются. Бахтин пишет: «Это сознание противопоставляет себя для себя всем другим, как другим для него, своё исходящее я всем другим – находимым – единственным людям, себя-причастного – миру, которому я причастен, и в нём всем другим людям» [2. С. 66]. Если выразить эту мысль другими словами, то она будет звучать так: я (как единственный *я-для-себя*) из себя – *исхожу*, а всех других (как единственных других-для-меня) – *нахожу* (*открываю*) *для себя там, куда исхожу*. Исходя откуда-либо (из себя самого) я онтологически неминуемо нахожу «там, куда я изошёл», что-либо другое (других) мне. Таким образом, можно сказать, что благодаря своей участности (не-алиби в бытии) сознание обретает второй ценностный центр своего индивидуального исторического, неповторимого и единственного мира – *другого-для-себя*, и вокруг (между) этих ценностно различных центров эмоционально-волевым образом сознанием ответственно распределяются все моменты своего бытия, формируя тем самым единое и единственное, живое целое *со-бытия*. Бахтин продолжает и разъясняет это положение так: «Один и тот же содержательно-тождественный предмет – момент бытия, соотносённый со мной или соотносённый с другим, ценностно по-разному выглядит, и весь содержательно-единый мир, соотносённый со мной или с другим, проникнут совершенно иным эмоционально-волевым тоном, по-разному ценностно значим в своём самом живом, самом существенном смысле. Этим не нарушается смысловое единство мира, но возводится до степени событийной единственности» [2. С. 66, 67]. Активно-должное, архитектурное ценностное распадение индивидуально-исторического, единственного мира участного сознания на два центра – *я-для-себя* и *другой-для-меня* – полнее раскрывает перед нами архитекtonику самого *со-бытия*. Эта архитекtonика «... не дана как готовая и застывшая, в которую я помещён пассивно, это заданный план моей ориентации в событии-бытии, архитекtonика, непрестанно активно осуществляемая моим ответственным поступком, поступком возводимая и только в его ответственности устойчивая» [2. С. 67]. Таким образом, долженствующая участность сознания заключается в том, чтобы осуществить своими действительными и ответственными поступками *со-бытие* как активное ценностное противопоставление самого себя (*я*) и других-для-себя (*других*).

Я-для-другого. И, заканчивая рассмотрение архитектурных точек (эмоционально-волевых центральных моментов) индивидуального исторического, неповторимого, уникального и единственного мира участного сознания, М.М. Бахтин указывает: «Моя единственность как нудительное несовпадение ни с чем, что не есмь *я*, всегда делает возможным и единственное и незаменимое действие моё по отношению ко всему, что не есмь *я*» [2. С. 42]. Таким единственным и незаменимым действием моим по отношению к другому может быть только непрекращающийся, бесконечно разнообразный, вечный бытийный *диалог* с другим. Вот как с помощью удачных художественных образов Бахтин описывает этот диалог в работе «Эстетика словесного творчества»: «Ведь только другого можно обнять, охватить со всех сторон, любовно осязать все

границы его: хрупкая конечность, завершенность другого, его здесь-и-теперь-бытие внутренне постигается мною и как бы оформляется объятием; в этом акте внешнее бытие другого заживает по-новому, обретает какой-то новый смысл, рождается в новом плане бытия. Только к устам другого можно прикоснуться устами, только на другого можно возложить руки, активно подняться над ним, осязая его сплошь всего, во всех моментах его бытия, его тело и в нём душу» [6. С. 39]. Иными словами, участное сознание со своего единственного и неповторимого места в бытии эмоционально-волевым образом долженствующе ответственно вступает в бытийный *диалог* с другими-для-него (бесконечным множеством других частных сознаний), вместе со мной продуктивно составляющих единое и единственное *со-бытие*. Этот мой эмоционально-волевой, долженствующе-ответственный бытийный диалог с другим являет собой совершенно уникальное действие, смысл которого заключается в восполнении бытия другого-для-меня и бытия самого себя до нашего совместного *со-бытия*. Бахтин описывает это уникальное действие так: «То, что я с моего единственного в бытии места хотя бы только вижу, знаю другого, думаю о нём, не забывая его, то, что и для меня он есть, – это только я могу для него сделать в данный момент во всём бытии, это есть действие, восполняющее его бытие, абсолютно прибыльное и новое и только для меня возможное» [2. С. 42].

Таким образом, именно *диалог* выступает у М.М. Бахтина средством познания всех истин, способом обогатить человека, облагородить его существование, восполнить его до *со-бытия*. Или, как пишет сам Бахтин в работе «Проблемы поэтики Достоевского», «диалог – это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще всё, что имеет смысл и значение» [7. С. 208].

В заключении отметим, что последовательно осуществлённая нами в двух статьях феноменологическая аналитика участного сознания М.М. Бахтина, позволяет сделать следующие итоговые выводы:

1. Участное сознание это:
 - 1) ответственное сознание;
 - 2) говорящее, высказывающееся, языковое сознание;
 - 3) переживающее (пере-живающее) сознание;
 - 4) эмоционально-волевое или интонирующее сознание;
 - 5) сознание осознающее, признающее и утверждающее факт своего не-алиби в бытии;
 - 6) диалогическое, диалоговое сознание.

И, в целом, обобщив все шесть приведённых моментов, ***участное сознание – это поступающее сознание, сознание никак не отделимое от своих поступков, и в своих поступках абсолютно укоренённое***. Или, как пишет Бахтин: «Участное мышление и есть эмоционально-волевое понимание бытия как *со-бытия* в конкретной единственности на основе не-алиби в бытии, т.е. поступающее мышление, т.е. отнесённое к себе как к единственному ответственно поступающему мышлению» [2. С. 45].

2. Долженствование как установка участного сознания это:

- 1) ответственность;
- 2) высказывание (как говорение);
- 3) переживание (как пере-живание);
- 4) эмоционально-волевое интонирование;
- 5) не-алиби в бытии;
- 6) диалог.

И, в целом, обобщив все шесть приведённых моментов, можно сделать вывод о том, что ***долженствование никак не отделимо от участного сознания и в участном сознании абсолютно укоренено, поскольку долженствование это и есть сама участность сознания в бытии***.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фактически речь у Бахтина во многом идёт о так называемом «настоящем человеке», повести о котором были так свойственны литературе советского периода становления российской государственности. И при всех изъятиях самого этого периода следует, тем не менее, признать, что сам литературный образ «настоящего человека» очень напоминает участное сознание М.М. Бахтина, воплощённое в повседневной практике обычной прозы жизни советского человека.

² Иначе говоря, введением понятия-образа не-алиби в бытии М.М. Бахтин одновременно решает философские проблемы, на протяжении веков казавшиеся неразрешимыми в принципе.

³ Что в принципе невозможно, как невозможно, к примеру, человеческому телу взять и перестать занимать в физическом пространстве некоторый соответствующий ему объём.

⁴ В слове *со-бытие* на этот непрекращающийся и вечный бытийный диалог указывает приставка «со», именно поэтому мы отделяем её от «бытия» с помощью дефиса и дополнительно выделяем её в нашем тексте курсивом.

⁵ А возможно, более точным порядком расположения этих трёх архитектурных точек будет такой порядок: *я – я-для-другого – другой*. Что явно перекликается с известным принципом тождества самосознания в немецкой классической философии: субъект (S) – субъект-объектные отношения, (S-O) – объект (O).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривошеев А.В. Долженствование как установка участного сознания М.М. Бахтина: феноменологическая аналитика // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 75–81.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. С. 9–69.
3. Емельянов Б.В. Три века русской философии: Русская философия XX века: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 692 с.
4. Гоготиливи Л.А. Философия языка М.М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма // М.М. Бахтин как философ: Сб. ст. М.: Наука, 1992. С. 142–174.
5. Бахтин М.М. К переработке книги о Достоевском // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 308–327.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 421 с.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 316 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 21 февраля 2010 г.